Невосполнимая утрата: ушел из жизни выдающийся горловский поэт Сергей Фесенко

Горловский Медиа Портал
17.11.14 17:03

12 ноября ушел из жизни выдающийся горловчанин, поэт Сергей Фесенко. У 61-летнего мужчины не выдержало сердце.

Сергей Фесенко - не только потеря его родных и близких, его друзей и товарищей - это потеря для Украины, потому что он был малоизвестным, но от того не менее талантливым поэтом. Поэтом, который любил Горловку, Донбасс и Украину.

Ему было всего чуть за 60. Родился 16 августа 1953 года в Горловке и прожил в родном городе всю жизнь. Учился в школе №5, служил в пограничных войсках, работал забойщиком на шахте №5 имени Ленина. Наверное, эта цифра «5» заставляла его всё, чтобы ни делал, стараться сделать на «отлично». Муж, отец, дед, друг и коллега: он преуспел и в семье, и в забое шахтном, и в «Забое» литературном. Он вырастил чудесных детей. Он нарубал своим отбойным молотком столько угля для нас, что можно бы несколько лет греть Горловку его теплом! Он оставил нам столько чудесных стихов, которые заставляют как-то особенно ярко увидеть - как прекрасна жизнь...

Он столько ещё мог сделать для страны! У него, пограничника, болела душа и разрывалось сердце от того, что не мог быть на границе, которая сегодня напоминает открытую рану, не мог защищать от беды свою Украину...

Сергей Фесенко – классический пример рабочего поэта, которыми так богат Донбасс. Его стихи – тонкие, умные, простые и, одновременно, философски-бездонные – всегда трогают душу. Он близок читателю, потому что никогда ничего не придумывал, а писал о том, что чувствовал, что переживал, что видел, что его поражало в событиях, явлениях и в людях. Писал грамотно, вдумчиво, ясно и точно, часто с украинским народным юморком, а нередко – с иронией и даже сарказмом.

О чём его стихи? О непростой, но такой почётной службе пограничника. О надрывно-тяжкой, но такой необходимой людям профессии и жизни шахтёра. Об истории родного края, который любил беззаветно и всегда чувствовал, как бьётся его половецкое сердце! И о любви – трогательной, нежной и глубокой...

И пусть при жизни была издана всего одна его книга – «Я син половецького поля», - она, эта книга, для тех, кто любит Горловку, Донбасс, Украину и понимает шахтёрский труд, ценнее многих собрании сочинений. И единственная премия, которой горловчане отметили его поэтический труд – премия имени Павла Беспощадного (2007 г.) – это тоже народное признание, которое ценнее многих наград.

Он любил Украину - так сильно, так пронзительно, так по сыновнему нежно! Так, как мог только Сергей...

Хочется, чтобы все знали - какими могут быть настоящие шахтёры, настоящие поэты настоящего Донбасса!

И какими пророческими могут быть их стихи!

Сергей Фесенко (Из книги: "Я син половецького поля") **На Київ**
Колеса гули сталеві Залізних підков нащадки. Низинні вогні далекі Кивали мені на щастя.
Аж ось і святий світанок Церкви засвітив на схилах, Колеса рубали танок: "Це Київ! Це Київ! Це Київ!"

Під вербами дав притулок Ескадрі човнів Славута Добридень, моє минуле! Добриден ь, моє майбутнє!

Гальмуючи рух, наш потяг Вже містом поплив поважно. Я, син Половецького Поля, Ві таю тебе, Граде Княжий!

Ми вічні з тобою! Вічні! І вічне моє питання: В якому ж тисячоріччі Ми бачилися в останнє?
Під Божим блакитним оком В духмянім вогні каштанів Повільним прямую кроком До Храму! До Храму! До Храму!

Від куполу йде додолу Іскристе, сліпуче світло Ввійду і нап`юся вволю Води із цілющим сріблом!

Гойдаються вогники гострі... В молитві, що лине вгору Священник згадає Ольгу, Немо в це було учора.

І ясні Христові очі Проміння несуть гаряче... Все буде гаразд, козаче, Побачиш! Побачиш! Побачиш!

Первый раз...
В колючей робе, неприлично новой, В толпе, где мат, да инструмента лязг Иду к стволу я с Сашкой Пискуновым

Чтобы спуститься в шахту в первый раз.

Перед стволом - железная вертушка,

По одному хватая наугад,

Она меня глотнула, как галушку,

Но выплюнула, дав пинка под зад.

А на площадке перед самой клетью

Лихой толпой, штурмующей этаж,

Легко подхваченный, я сразу же заметил

Что Сашку потерял из виду. "Са-а-аш!" -

Кричу с испугу. И знакомый бас:

- Чего орешь? - услышал я, как в сказке.

- Ты видишь - клеть забита под завязку

А надо сесть! Вторая - через час!

Секунду потоптавшись, будто в танце,

Я, к недовольству тех, кто был внутри,

Плечом ударил в дверцы! Раз! Два! Три!

И вот - ура! Отвоевал пространство!

Скользнул туда мгновенно, и спиной

Почувствовал, что Сашка стал за мной.

Щелчок засова, стволового брань.

Все... Мы в клети. Вдруг, рядом слышу: "Ваня!"

У шахті нє фіг дєлать! Йдьом до бані!

Ти ж бачиш, у Сашка який комбайн!"

Короткие звонки - отправки знак

И клеть нырнула в первозданный мрак...

***

Лебедка завывала вдохновенно В родной пыли, кипучей и блестящей... И вагонетки шли вперед степенно

За порцией сыпучей черной каши.

Оставив место, где насыпщик юркий

Делил на части угольную реку,

Мы пробивались к "пролазному" люку

Теснясь меж вагонетками и штреком.

Вход в лаву. Он - с чердачное оконце!

Тогда не представлял я совершенно,

Что в эту пасть бездонную, драконью

Почти на двадцать лет просуну шею.

Хрипя в налитый потом респиратор,

Я, полубессознательно и тупо

Почти на ощупь, медленно, как трактор

Карабкался по стойкам до уступа...

"Ты можешь пошустрей? - Санек сказал мне,

Рукою по пути ощупав кровлю, -

Бо люди вже "кутки" позарезали,

А мы с тобой - шо тельные коровы!"

Как я добрался, я тогда не понял,

И как уселся в безопасном месте,

Но отдышавшись, сразу же припомнил

Далекий Геленджик и кросс армейский.

А молоток плясал в руках у Сашки

Звенящей дробью влившись в общий грохот

Казалось, он пласта едва касался,

Но глыба, ухнув, уползала в пропасть!

И эта вдохновенная работа

Зажгла азарт и силы воскресила:

"Да что там сложного? - подумалось, - Да что там!"

"А можно мне попробовать?" - спросил я.

Взял молоток, с размаху в уголь врезал...

Подпрыгнуло зубка стальное жало

И соскользнуло вниз. Как по железу.

Чуть-чуть не "улетел"! Но удержался.

Да... Надо мне во что бы то ни стало

Из этого конфуза выйти с честью...

Я молотком ширял куда попало!

Но уголь, как скала - стоял на месте.

Наставник мой смотрел на это молча

Скучающе - невозмутимым взглядом:

"Ну, шо... Коню ты поцарапал морду.

Теперь смотри, я покажу как надо...

Вчительці

Дарма! Не витравити пам’яті! Хоч Ви давно пішли з життя, Прийміть, прийміть Маріє Павлівно, Моє спізніле каяття!

Надходять спогади краплинами: Ви народились десь під Мінськом, І не були Ви українкою Та викладали українську.

Не набули від хамства захисту, І це було того причина, Що часто вибігали з класу Ви З опухлими від сліз очами.

Та що казать… у Вас за спиною І я підтявкував завзято Роточком цуценячим слинявим, Бо це подобалось дівчам.

Дарма! Не витравити пам’яті! Хоч Ви давно пішли з життя, Прийміть, прийміть Маріє Павлівно, Моє спізніле каяття!

"Горловский Медиа Портал"